

Бабаян Игорь Николаевич
babayan.igor.56@mail.ru

Москва, Зеленоград, 17-й микрорайон,

Корпус 3., кв. 399
8(915) 431-46-05

Объем: 111 232 зн. с проб.

Игорь Бабаян

«С С -

«Р»

О	Т	О
Ю	У	М
З	Д	А
	Е	Н
	Н	Т
	Т	И
	О	К
	В	О
		В

ОТ АВТОРА

Современна ли данная история? Современны ли наши герои? Пожалуй, да, ибо, как гласит истина, новое - это хорошо забытое старое. Негативны ли характеры героев? Как знать, как знать? Если и да, то у читателей есть замечательная возможность, ознакомившись с мерзостями, что вытворяли гранфаллонцы, предать их (гранфаллонцев) анафеме. Да послужит повесть в подобном случае неназойливым назиданием подрастающему поколению. Ну, а в качестве напутствия пытливому читателю, которому не избежать знакомства с повестью, хочется предостеречь его от скоропалительных, далеко идущих выводов. Например, о том, что эсэсэровцы совершили в отношении ничем их не задевшего, хорошего, то бишь, интеллигентного и законопослушного молодого человека, глубоко безнравственный поступок. Причем, свершили свое гнусное злодеяние на глазах у любимой девушки данного молодого человека, усугубив, таким образом, свою вину. А также мерзко и, возможно, незаслуженно обидев данного молодого человека.

Хочется предостеречь уважаемого читателя от «суда скорого и праведного» и призвать к зрелым размышлениям. Ибо, как известно, совершив скорые и далеко идущие выводы, легко впасть в грех заблуждения. Ведь поистине самой большой либо, если желаете, изначальной ошибкой иных критиков и критиков истории, в частности, следует считать тот факт, что они (иные критики) так и норовят рассмотреть явление, допустим, только лишь в плоскости современных норм морали и нравственности, вырвав его (явление) из контекста эпохи. И тогда в пору, вспомнив, допустим, культовый советский фильм: «Доживем до понедельника», согласиться с фразой главного героя ленты: «Вот слушаешь вас и решишь, что Историю вершили одни двоечники!».

Кроме того, нельзя не брать в расчет, что гранфаллон, составленный из пятерых друзей филологов-русистов, был вынужден проживать на 1/6 части суши, именовавшейся недругами советской власти «островом невезения».

Резиденты «проклятого острова», где, как известно, не было календаря и не рос кокос, а также не ловился крокодил, но происходили другие, не менее трагические события, принуждены были, в силу обстоятельств, безоговорочно подчиняться писаным и иным правилам, придуманным вождями. Мало того, им («островитянам»), как свидетельствует всемирная летопись, приходилось одобрять все, не исключая и самые мерзкие, решения и предначертания вождей. В том числе и очередную высылку с «острова» в мир иной очередного недовольного не только отсутствием календаря, но и неудовлетворительной урожайностью кокоса, а также малорезультативной охотой на крокодила.

Выпроваживая очередного аборигена, подвергавшего сомнению необходимость культовых охот на крокодилов либо непременно выращивание на острове кокосов, топ-доги свято веровали, что тем самым оберегают чистоту нравов в своем уникальном, не похожем на многие другие, племени. Ибо, как гласит «островная» истина, одна паршивая овца способна перепортить все стадо.

Вот потому-то славные члены «Союза Студентов - «Романтиков», плоть от плоти своего племени, и поступили с данным молодым человеком, не признававшим, как это ни прискорбно, ни «СС-«Р», ни правил ритуальной охоты на крокодила, ни самой «охоты», а также, что и вовсе было недопустимо, недоумевавшим по поводу наличия отсутствия «календаря», по суровым законам большого и малого гранфаллонов, т.е. по суровым законам своего не менее сурового времени.

А посему напрашивается непозволительный с точки зрения неукротимых моралистов вывод: корить гранфаллонскую «пятерку» за содеянное, все равно, что недоумевать по поводу отсутствия на «проклятом острове» календаря.

Как явствует из сказанного, славные эсэсэровцы не нуждаются в оправдании, ибо их оправдала сама История, не щадящая молодых людей, противостоящих гранфаллонам .

С этими сомнительными выводами автор оставляет Вас, читатель, наедине с делом рук своих ...

«С С - «Р»»

гранфаллон?

воздушного

«Что такое

Поди-ка разбери:

С шарика

Шкурку обдери-

будет то,

внутри!»

«Колыбель для кошки»

Гранфаллон и

что у него

Курт Воннегут,

РУКА СУДЬБЫ

Вольдемар как-то сразу оказался вне гранфаллона. Возможно, то было некоторое предопределение. Возможно, как говорили гранфаллонцы, то был некий знак свыше. А потому, наверное, случай с Горохом также стал результатом особого

расположения небесных светил по отношению к гранфаллону и противостоявшему ему Вольдемару. Хотя, если уж быть откровенным до конца, то Вольдемар вовсе и не был Вольдемаром, а был Вовой или Володей, как его ласково называла зеленоглазая Мариэтта...

Впрочем, не будем забегать вперед.

Гранфаллон сложился как-то сразу, как-то невзначай, как-то без особых стараний будущих гранфаллонцев. Возможно, то было предопределение. Возможно, как говорили сами гранфаллонцы, то был знак свыше. Абитуриенты стали первокурсниками - вот и все усилия Судьбы по этому поводу.

Очень скоро, в первые же четверть часа тогда, 1 сентября 197... года, они выяснили, что их объединяет категорическое сходство интересов, а именно приязнь к Есенину и Окуджаве, а также к преферансу и к футболу, и к доброму пиву, и к другим добрым напиткам, как будто специально созданным для первокурсников. И вот уже после второй пары соратники, покинув гостеприимные стены универа, нашли приют в ближайшей (хвала армянским советским архитекторам!) веселой пивнушке под романтическим названием «Крунк» («Журавль») и после нескольких часов непрерывного горячего

общения докурлыкались до той кондиции, когда члены неразумных гранфаллонов обычно отправляются домой, баиньки.

Не таков был данный гранфаллон.

Невзирая на то, что далеко не все, все, как один, длинноволосые (The Beatles forever!) участники вновь испеченного сообщества твердо стояли на ногах, было выражено твердое общее мнение продолжить душевное общение. Тем более, что душа (как выяснилось несколько позже) сообщества Вардан, сразу же окрещенный соратниками прозвищем Большой (он был самым высоким из них) предложил продолжить в заманчивом местечке, как нельзя более подходившем для общения универских дебютантов – в кустах густо росших за фасадом ереванского храма науки. Белокурая бестия Валера (в дальнейшем Цукер) тут же сгонял за N-ым количеством бутылок недорогого вина (гранфаллонцы без раздумий скинулись для этой цели по рублю с полтиной) в расположенный недалеко от универа (хвала армянским советским архитекторам!) вино-водочный магазин и общение вспыхнуло с новой силой.

Между тем, вино, доставленное Цукером, к сожалению, было не только дешевым, но и сладким и в сочетании с принятым прежде порядочным объемом пива оказало на соратников неизгладимое впечатление. Тем более, что пили они, как и подобало уважавшим себя первокурсникам страны Советов, из горла и без закуси. А потому очень скоро члены гранфаллона стали время от времени отползать (вопреки названию вина «Гетап»- “Get up” – англ. «вставай») в рядом растущие кусты, откуда, естественно, вскоре доносились соответствующие непотребные звуки.

Таким образом, обряд посвящения гранфаллонцев в советские студенты был исполнен соответствующим образом.

Необходимо заметить, что данный гранфаллон был гораздо более осмысленной формой существования, чем ведомая КПСС «историческая общность», обитавшая в социалистическом раю, как злые языки на Западе называли советскую действительность эпохи застоя, ибо в отличие от «исторической общности» членов сообщества помимо названных уже выше интересов объединяло также неистребимое желание как можно веселее провести грядущие пять лет студенческой жизни. А посему они в отличие от КПСС не нуждались в строгих корпоративных документах, которые бы регламентировали пребывание в рядах сообщества. Не было у них и иных обязательств друг перед другом, кроме права на нескучное

времяпровождение, смысл которого был неплохо передан некой молодежной песенкой той поры, а точнее, рефреном, звучавшим слово призыв: «От сессии до сессии живут студенты весело, а сессия всего два раза в год!..»

Они были молоды, а потому не обращали особого внимания на недостатки коммунистического режима, ну, а нескончаемые тронные речи престарелого Генерального секретаря смешили их, вместо того, чтобы огорчать.

Они были молоды, а потому их не мог ввергнуть в уныние абсурд советских учебно-трудовых будней и даже первомайские шабаши, именовавшиеся идеологами демонстрациями, они воспринимали лишь как очередную возможность собраться и хорошо провести время.

Они были молоды и не вполне романтичны, хотя в шутку именовали себя студентами-романтиками, ибо искали в свои юные годы не столько любви, сколько удовольствий.

БАБУЛЬ, ДИАЛЕКТЫ ДАВАЙ!

Одну из таких возможностей - собраться и с удовольствием провести время гранфаллонцам предоставила летняя студенческая практика. Она случилась после сессии, которую друзья, откровенно говоря, сдали, как и подобало советским первокурсникам, нюхнувшим свободной жизни, не лучше, нежели многие их

предшественники. Кое у кого из них были «неуды», от которых предстояло избавиться уже в осенне-зимний период. Так или иначе, до означенного периода было еще достаточно далеко, а вот до практики - рукой подать, что грело соратникам сердце, ибо поистине для друзей - филологов нет лучшего занятия, чем собирать диалекты в молоканских селениях близ славного города Кировакана (т.е. града С.М.Кирова).

Нужно заметить, что живописные, если не сказать чистые, пейзажи сего горного местечка явно диссонировали с той мерзкой позицией, которую Вольдемар с первых же дней практики продемонстрировал по отношению к «СС-«Р». Хотя и раньше на курсе, в ходе учебных действий он, Вольдемар, несмотря на личный интерес к Есенину и Окуджаве, всячески сторонился великолепной «пятерки», дистанцируясь от членов сообщества даже на переменах.

Надо ли говорить, что он и не задумывался о возможности совместных с эсэсэровцами, ставших для них едва ли не ритуальными, посещениях «Крунка»? И это несмотря на то, что он был замечен в употреблении напитков, которые студенчество предпочитает компоту! Не питал он кроме всего и симпатий к преферансу, чего уж соратники ему и вовсе не могли простить.

А потому случившееся тогда, много лет назад, в Кировакане должно было случиться рано или поздно. Нечто подобное должно было произойти если не в Кировакане, то в Ереване, в универе, в перерыве между учебными действиями, например.

Однако, обо всем по порядку.

... Ах, лето, лето... Дивная пора! Тёплая погода вселяет в студенческие (и не только) души мимолетное блаженство, побуждая поскорее позабыть обо всех весенних невзгодах, не исключая и «двойки» на семинарах. Лето, можно сказать, время неразумных, а порой и недостойных поступков, навеянных ложным ощущением счастья (насколько это возможно в 18 лет), а стало быть, вседозволенности (насколько это было возможно в первом государстве рабочих и крестьян). Кстати, теплая погода и стала одной из причин нашей истории.

- Жарко, пива охота, - посетовал, зевая и зачем-то при этом прикрывая огромной ладонью рот, Большой, сев в кровати и свесив босые волосатые и дурно пахнувшие ноги. - Да, хорошо бы, холодненького! - поддержал со своей, соседней кровати, Цукер, всегда с радостью поддерживавший безнравственные предложения.

Арег, Виктор и Саркис переглянулись, не меняя позы (они отдыхали в личных кроватях), вяло (сказывалась полуденная жара, достававшая даже здесь, в высокогорном городке, несмотря на распахнутые в комнате техникумовской общаги окна) кивая и выжидающе глядя на «душу» гранфаллона. Саркис при этом зажал нос пальцами.

- Бабку там, в селе, видали, которая возле столовой живет? - продолжил разговор Большой.

- Видели. Она всегда на завалинке возле дома сидит, - ответил за всех Виктор.

- Вот. У неё вчера хотел диалект взять. Знаете что сказала? « Молод ты ещё, сынок, у меня диалехты брать!» Ба-а...

ОН ЛЮБИЛ ДОБРУЮ ШУТКУ

Раздавшийся в ответ хохот заставил подобреть и улыбнуться небрито -суровую физиономию «души». Когда гогот стих, он продолжил: - Ладно, кто пойдет? - испытующе взглянув на Цукера.

- Ара, эли кяжа есэм («Э, я, что, опять рыжий?!» - здесь и далее арм.)?!- возмутился последний.

- Че, кяж - джан («Нет, рыжий-дорогой»), я не тебя имею в виду, - отмел подозрения Большой, переведя тяжелый взгляд на Саркиса, который все ещё зажимал нос двумя пальцами. - Что, амбре не нравится, да-а? - спросил Большой, чьи ноги, как известно, летом воняли гораздо сильнее, чем в другие времена года. - У вас в Кировобаде ни у кого не воняют, да-а?

Саркис в ответ лишь хихикнул в сторону.

- Сако, Сако, халя ми ачка пхаги! - вдруг попросил Большой. - Серьёзно, закрой один глаз!

Саркис нехотя исполнил просьбу соратника, слегка прикрыв левое веко, но по-прежнему зажимая нос двумя пальцами.

- Кяж, наи, наи, мэр Сако точно циклопи нмана (Рыжий, глянь, наш Сако точь в точь циклоп!)! - толкнул в бок примостившегося рядом Цукера Большой, раздражаясь ржанием, от которого, вероятно, разом проснулись все кироваканские младенцы.

К хохоту присоединились и остальные, разумеется, за исключением Саркиса.

- Ова циклоп («Кто циклоп?!»)?! – заорал он, набычив мощную борцовскую шею и угрожающе сжав кулаки.

Несмотря на почти двукратное превосходство в росте, Большой, резво вскочив на ноги и, не надевая шлепанцев, проворно выскочил в коридор, чудом избежав мести маленького борца-классика.

Проворство его было легко объяснимо житейским опытом, а точнее - одной из легенд, вошедшей в золотой фонд гранфаллона.

В первом семестре на одном из первых занятий по физкультуре Большой, быстрее других переодевшись в модный спортивный костюм, стал прохаживаться по борцовскому ковру с видом по меньшей мере чемпиона республики по коху (армянская национальная борьба), грозно и вызывающе оглядывая соратников с высоты своего роста (194 см).

Миролюбивый Виктор уставился на мощную фигуру «чемпиона» не без душевного трепета.

Долговязый и тощий, словно баскетболист, побежденный энурезом, Цукер глядел с удивлением, смешанным со страданием.

На лице крепыша Саркиса трудно было что-то прочесть.

Ну, а Арег воззрился на Большого, усмехаясь в усы.

- Что, есть вопр-р-росы?- налегая на «р», окинул соратников взглядом Давида Сасунского перед очередным поединком с вишапом Большой.

Арег, не удостоив противника ответа, шагнул на ковер.

-А-а-а!- страшно протянул Большой, сделав большой шаг навстречу.

Спустя всего несколько мгновений все то же: -А-а-а..., он испустил, лежа на лопатках...

-А-а-а?! - в один голос воскликнули внимательно наблюдавшие за поединком гранфаллонцы.

-Один раз не в счет!- взял «фору» «душа». - Давай еще!

И вновь очень скоро Арег припечатал его лопатками к ковру.

В пылу борьбы и обуреваемый жадой реванша Большой без долгих раздумий выбрал в качестве жертвы самого маленького гранфаллонца, кудрявого Саркиса:- Эй, ты, иди сюда!